

присущей мастерской ремесленника, тогда как загромождение лаборатории множеством всевозможных инструментов и разнородных, причудливых предметов было признаком, избобличавшим невежественного суфлера, не знавшего, как правильно подступиться к делу.

Адепты охотно потешались над неистовыми усилиями суфлеров, экспериментировавших с самыми различными субстанциями растительного и животного происхождения. Анонимный автор латинского манускрипта, хранящегося в библиотеке Ватикана, как заклеил эти тщетные усилия:

"Я смеюсь над теми, кто ищет средство для превращения золота и серебра в самых разных субстанциях, В глазах различных животных, в траве, в волосах, В змеях, скорпионах, червях и скорлупе яиц, В крови, жабах, навозе и моче."

Первые шаги Великого Делания

Из чего должен был исходить средневековый алхимик (и его преемники в позднейшие времена), приступая к операциям Великого Делания?

Принимая на свой счет советы предшественников, Фульканелли[11] позднее напишет: «И хотя эта первичная ртуть совершенно летуча, под высушивающим воздействием мышьяковистой серы она обретает телесную форму, принимает вид твердой массы, черной, плотной, волокнистой, рыхлой, ломкой, так что из-за своей незначительной полезности делается низкой, гнусной и презренной в глазах людей». Так что же представляла собой первичная материя, с которой начиналось делание! Ею мог быть стибин или серная сурьмяная руда (SD2S3). С равным основанием можно предположить в этом качестве - хотя эта субстанция была далеко не столь широко распространена, как уверяют нас некоторые тексты, - киноварь, сочетающую в себе серу и ртуть.

При наличии определенного навыка можно найти в трудах всех алхимиков описание последовательности феноменов, наблюдаемых во время лабораторных операций. Всегда наблюдается также - что касается влажного пути (процесс делания в стеклянной реторте) - последовательное чередование трех принципиальных фаз, отмеченных, соответственно, черным, белым и красным цветами. Для первого из этих трех цветов приведем выдержку из трактата Николя Фламелья «Иероглифические фигуры»: «Если вначале, как только положишь заготовки в философское яйцо (иными словами, как только огонь возбудит их), ты не увидишь этой черной, очень черной головы ворона, тебе надо начинать снова. Опасайся оранжевого цвета в самом начале. Цвет должен быть безупречно черным - и так в течение сорока дней».

Не трудно обнаружить значительное количество текстов, которые, отнюдь не углубляясь в заведомую символику, прямо дают описание - и притом исключительно точное - феноменов, следующих друг за другом в течение всего времени, пока алхимик, уединившись в своей лаборатории, трудится над реализацией Великого Делания.

Позаимствуем великолепный пример подобного рода текстов из «Книги Артефия»:

«... Сперва появляется чернота, похожая на жирный бульон, в который насыпали перца, а затем эта жидкость, сгущаясь и становясь похожей на черную землю, белеет по мере дальнейшей варки. Тогда как наша земля, разлагаясь, сперва приобретает черный цвет, затем она, поднимаясь, очищается, а после того, как она подсохнет, черный цвет исчезает, и она белеет, и вместе с тем прекращается влажное и мрачное доминирование женского начала или воды. Именно тогда белый дым пронизывает новое тело».

С точки зрения продолжительности работы по завершению Великого Делания, длительность наиболее часто применявшегося процесса - имеется в виду влажный путь - чаще всего составляла сорок дней. Это традиционное число играет свою роль в Священном Писании, как в Ветхом Завете (сорок лет блужданий евреев,